

Глава 3 Мы — одна семья

Прошло ещё дней восемь. Лекарь Хуан из их же деревни в очередной раз прощупал пульс Чу Цы и наконец объявил, что с горькими отварами можно покончить. Все домочадцы выдохнули с облегчением.

Хотя в рецептах не значилось никаких редких корешков, ежедневные траты на лекарства всё равно выливались в несколько десятков монет. Сбережения семьи, и без того истощённые расходами на учёбу Чу Цы, почти иссякли. Все лишь и ждали того дня, когда юноша совершит заветный прыжок через «врата дракона» и начнёт приносить в дом хоть какой-то достаток.

Никто и помыслить не мог, что случится беда. Чтобы привезти его домой и выходить, семье пришлось продать все пахотные земли — только такой ценой удалось вырвать его из лап смерти. Урожай кукурузы, собранный в спешке в прошлый раз, стал последним даром их бывших полей.

Лекарь Хуан, уважая в Чу Цы учёного человека со степенью сюцзя, всё это время отпуская снадобья в долг, но сегодня пришло время окончательного расчёта.

Пока лекарь разговаривал во дворе с Чу Гуаном, матушка Чу ушла в свою комнату и вынесла оттуда небольшой матерчатый мешочек. Она несколько раз бережно погладила его ладонью и лишь после этого протянула гостю.

— Старая сестрица, это ведь... — начал было тот.

— Берите. Я знаю, что вы и так отдавали нам лекарства по самой низкой цене. Теперь Сяо Эр поправился, и нам больше нечем вас отблагодарить.

Лекарь Хуан хотел что-то возразить, открыл рот, но так и не нашёл слов. Тяжело вздохнув, он развернулся и ушёл.

Чу Цы с любопытством наблюдал за этой сценой. Его мучил вопрос: что же лежало в том мешочке, раз на лицах родных застыло выражение такой щемящей безысходности?

Улучив момент, он тихо затянул Чу Юаня в комнату.

— Сяо Юань, а что за мешочек бабушка отдала лекарю?

Мальчик покачал головой:

— Не знаю. Но бабушка часто доставала его по вечерам, просто держала в руках. Она говорила, что это подарок от дедушки.

Чу Цы всё понял без лишних слов. Должно быть, то был свадебный подарок или памятная вещь от отца Чу Цы — то, чем матушка дорожила больше всего на свете.

В душе юноши созрело твёрдое решение. Силы вернулись к нему, и настало время взять на себя заботу о тех, кто пожертвовал ради него всем.

В своей прежней жизни Чу Цы происходил из потомственной интеллигенции. Его дедушка и бабушка трудились в институте изучения древней письменности, а родители были археологами, которые годами не показывались дома. Возможно, из-за высокого уровня образования в их семье царил принцип «отношения благородных мужей прозрачны, как вода»: даже собираясь вместе, они обсуждали лишь научные теории.

Он окончил литературный факультет университета Б. Решение юноши стать обычным учителем словесности в средней школе казалось родным верхом безрассудства, однако они уважали его выбор.

От этого Чу Цы чувствовал себя ещё более подавленным. Втайне он мечтал, чтобы родители хоть раз накричали на него, проявили живые эмоции вместо этой вежливой, холодной отстранённости.

Он не знал, как они отреагируют на весть о его смерти. Скорее всего, горе не сломит их: они лишь ненадолго скорбят, соберутся с мыслями и снова погрузятся в свои исследования.

Но здесь, за эти несколько дней, он познал истинное семейное счастье. Пусть они были бедны, но каждый вечер собирались вместе, и в каждом их слове сквозила искренняя, согревающая душу забота. Чу Цы не знал, была ли тому причиной память прежнего владельца тела или его собственные чувства, но он уже всем сердцем принял эту семью.

— Матушка, завтра я хочу съездить в городок.

— В городок? — матушка Чу взглянула на него. — Ах да, у тебя, верно, бумага и тушь на исходе. Пойду, попрошу у твоего старшего брата немного денег.

— Не нужно, матушка, я еду вовсе не за покупками, — поспешно остановил её Чу Цы.

Он прекрасно знал, что в доме нет ни гроша. Просить у брата — значит, заставлять его забирать последнее из приданого жены. Его невестка была женщиной молчаливой и скромной, но работающей и очень доброй.

Старушка на мгновение замолкла, а затем горько вздохнула:

— Эх, виновата я перед вами всеми...

— Матушка, это я перед вами и братом виноват. Столько хлопот вам доставил за это время. Отныне я буду вместе с вами нести бремя забот об этом доме, — твёрдо произнёс сын.

Матушка Чу утерла слезы. Ей казалось, что после того, как смерть коснулась её ребёнка, он внезапно повзрослел и стал куда рассудительнее.

За дверью Чу Гуан тоже тихо вздохнул. Когда он услышал, что мать хочет просить у него денег, в душе его поднялось смятение — у него самого за душой не было ни медной монеты. У Сюнян деньги действительно водились, но какой мужчина позволит себе кормить семью за счёт приданого жены, да ещё и отдавать его на нужды брата? Однако слова Чу Цы заставили его сердце сжаться. Отец ушёл рано, а он, как старший брат, должен был заменить отца, но оказался так бесполезен...

На следующее утро, позавтракав, Чу Цы собрался в путь. Уже у самого порога его окликнула невестка:

— Деверь, подожди минутку.

— Старшая невестка, что такое? Нужно что-то продать на рынке? — Чу Цы заметил, что в свободные минуты она часто вышивает разные мелочи, и подумал, что она хочет передать их на продажу.

— Нет, — Шэнь Сюнян вытерла руки о фартук и достала из рукава крошечный обломок серебра, потемневший и неровный, весом примерно в два цянтя. — Возьми это. Книжнику без бумаги и туши никак нельзя.

Чу Цы замер, глядя на неё. Спустя долгую паузу он принял серебро, крепко сжав его в кулаке так, что острые края больно впились в ладонь. Юноша низко, почтительно поклонился ей:

— Благодарение брата и невестки пребудет в сердце Цы вовек.

Женщина явно смутилась и поспешно подхватила его под руки, не давая кланяться:

— Ну что ты, не стоит так! Мы ведь одна семья.

Чу Цы улыбнулся:

— Да, одна семья. Я пошёл, невестка.

Шэнь Сюнян долго смотрела ему вслед. Ей тоже показалось, что младший брат мужа внезапно стал совсем другим человеком.

Пока Чу Цы шёл по дороге, односельчане то и дело приветствовали его. В деревне все знали, что он с детства отличался острым умом, и никто не верил рассказам о мошенничестве на экзаменах. Люди лишь сокрушались о его злой доле, втайне думая, что простому люду лучше всё-таки держаться за соху...

За деревней дорога вилась по склону. Горы по обе стороны были невысоки и совсем не опасны. Листва с деревьев уже начала опадать, устилая путь плотным «золотым ковром».

Чу Цы подумал, что будь такая дорога в его мире, девчонки завалили бы соцсети фотографиями. Но здесь это было лишь привычной частью пейзажа, на которую спешащие путники даже не достаивали взглядом.

Сейчас он ещё мог позволить себе праздное созерцание, но если он не найдёт способа вытащить семью из нужды, времени на любование красотами природы у него скоро не останется.

Внезапно с горы, ломая кусты, вылетела какая-то чёрная тень. Огромная туша с длинными клыками, не разбирая дороги, неслась прямо на Чу Цы.

Он на мгновение оцепенел. Хрупкий книжник, который в прошлой жизни даже армейский кулачный бой на сборах толком не освоил — какая уж тут схватка с разъярённым вепрем?

К счастью, ноги не подвели. В последний момент он успел отпрыгнуть в сторону, и туша пронеслась мимо, обдав его запахом прелой земли и дикого зверя. Однако, промахнувшись, кабан резко развернулся и снова бросился в атаку.

«Конец мне!» — мелькнуло в голове. Понимая, что бежать некуда, Чу Цы просто зажмурился, не желая видеть собственной смерти.

Вдруг лицо обдало чем-то тёплым и влажным. Чу Цы вспыхнул от негодования:

«Ну ладно, пусть загрызёт, но зачем же на меня гадить?!»

Он утер лицо, открыл глаза и замер. Уродливый лесной великан лежал у его ног, а из глубокой раны на шее толчками выходила тёмная кровь.

Рядом с тушей стоял молодой мужчина, одетый в охотничьи шкуры. В руке он сжимал тяжёлый нож, а в его взгляде, устремлённом на Чу Цы, читалось нескрываемое любопытство.

— Благодарю за спасение, добрый человек, — Чу Цы поспешно поклонился. Не появившись этот охотник, его жизнь оборвалась бы прямо здесь.

— Ха-ха! Так ты и есть тот самый сюцай Чу? — охотник так и зашёлся в весёлом смехе, обнажив ряд крепких зубов. — Вечно вы, книжники, со своими поклонами. За что благодарить-то? Это я его на тебя выгнал.

— Как же можно выгонять такого зверя прямо на дорогу? — возмутился Чу Цы, всё ещё чувствуя, как дрожат колени. — А если бы на моём месте оказался старик или ребёнок?

— Э-э... разве ваш староста не предупредил? — охотник в замешательстве почесал затылок. — Сегодня ведь облава на кабанов, по этой дороге ходить запретили.

Чу Цы мысленно вздохнул. Теперь понятно, почему все остальные путники месили грязь на узкой боковой тропинке — он-то думал, это у них причуда такая, а дело было в безопасности.

— Ну, тогда извини, брат. Кабана я завалил, ты цел — считай, в расчёте.

Сюцай внимательно посмотрел на него. Перед ним явно был человек широкой души, не привыкший к церемониям. Кивнув, он признал, что обиды не держит.

<http://bllate.org/book/15354/1412401>